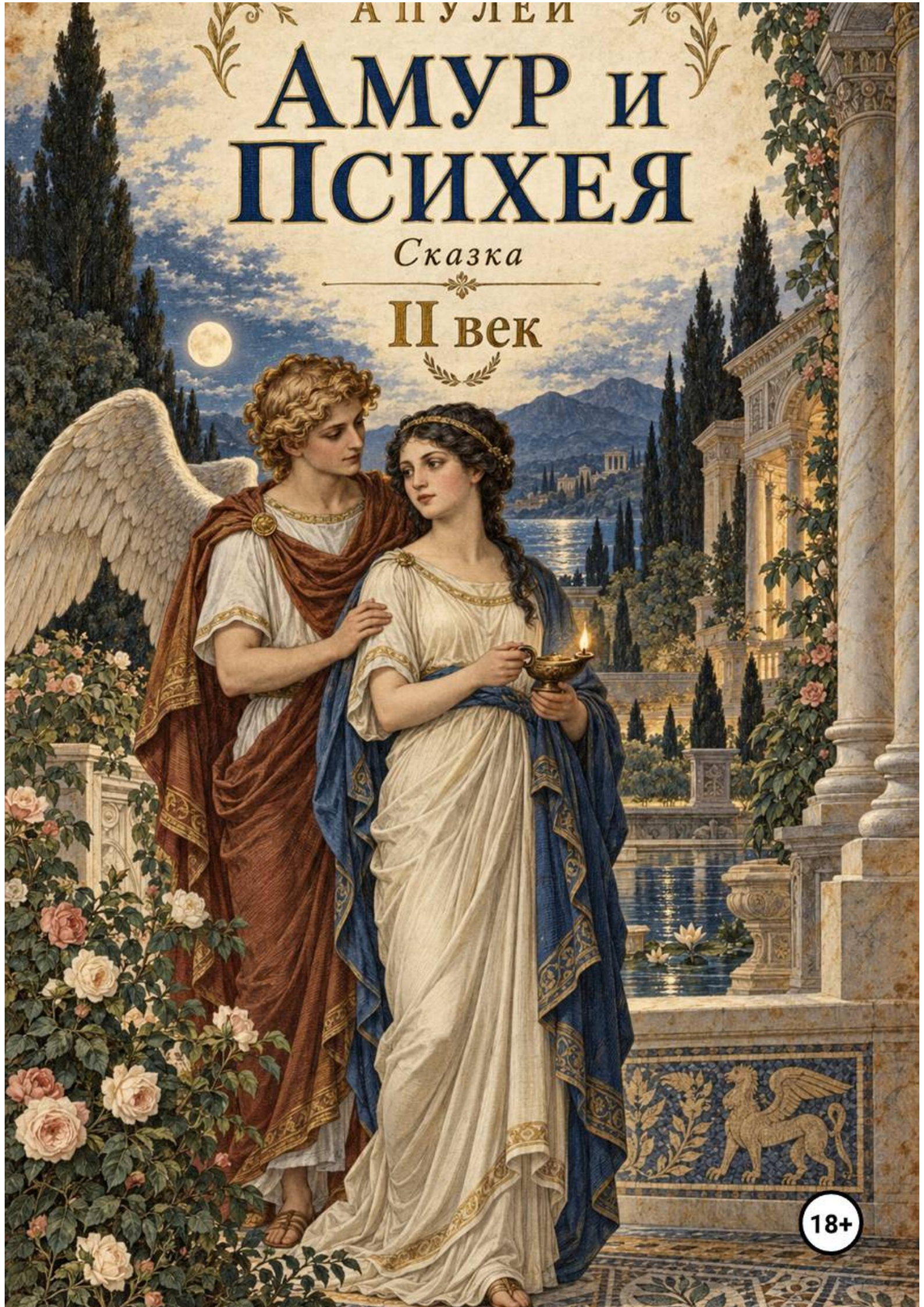

А П У Л Е И

АМУР И ПСИХЕЯ

Сказка

II век

18+

Апулей .

Амур и Психея

«Автор»

2026

. А.

Амур и Психея / А. . — «Автор», 2026

Красота Психеи вызывает ревность Венеры, а любовь к неведомому супругу приводит её к испытаниям, с которыми человеку не справиться одному. Древняя сказка Апулея соединяет чудо, иронию и рассказ о доверии, любопытстве и верности. В книгу вошёл полный перевод с латыни эпизода «Метаморфоз» IV.28–VI.24, предисловие, примечания и двенадцать новых сюжетных иллюстраций в духе старинной цветной гравюры. Издание адресовано взрослому читателю. Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
IV.28	6
IV.29	7
IV.30	8
IV.31	9
IV.32	10
IV.33	11
IV.34	13
IV.35	14
V.1	15
V.2	16
V.3	17
V.4	18
V.5	21
V.6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Апулей . Амур и Психея

Предисловие к русскому изданию

Перед вами античная сказка в полном переводе с латинского языка. Издание адресовано взрослому читателю.

Историю Амура и Психеи сохранил Апулей, латинский писатель II века. В его «Метаморфозах» её рассказывает старуха, утешающая пленённую разбойниками девушку. Здесь сказка выпущена отдельно: от слов о царе и царице до рождения дочери Амура и Психеи. Это главы IV.28–VI.24 романа; их нумерация сохранена, чтобы читатель мог обратиться к оригиналу.

Красота Психеи вызывает поклонение людей и ревность Венеры. Неведомый супруг, запрет увидеть его лицо, зависть сестёр и поиски утраченной любви складываются в историю, где боги говорят и действуют с поразительно человеческой страстностью. Сказочная чудесность соседствует у Апулея с иронией, сердечной нежностью и жестокостью. Перевод сохраняет эти переходы тона и не превращает старинный рассказ в детскую адаптацию.

Рабочий латинский текст взят из The Latin Library и сопоставлен со сканом научного издания Луиса Клода Персера 1910 года. Стихотворное прорицание передано стихами, без воспроизведения латинского метра. Существенное разночтение в финале и отмеченный Персером пропуск объяснены в примечаниях. Английское введение и комментарии того издания в перевод не включены.

Двенадцать новых сюжетных иллюстраций и две обложки выполнены в духе старинной цветной гравюры. Это современное художественное прочтение античной сказки; изображения не воспроизводят иллюстрации издания 1910 года. Герои показаны в условных античных одеждах, а фактура бумаги объединяет рисунки с текстовыми страницами.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Пусть эта встреча со старинной книгой подарит вам радость, а её герои напомнят: даже маленькое доброе дело может изменить чью-то судьбу.

2026 год.

IV.28

В одном городе жили царь и царица. Было у них три дочери, все красавицы. Красоту старших, при всей её прелести, ещё можно было, как считали люди, достойно восхвалить человеческими словами. Но красота младшей была столь необыкновенна, столь ослепительна, что бедной человеческой речи не доставало сил не только описать её, но даже воздать ей должную хвалу. Множество горожан и толпы чужеземцев, которых слух об этом дивном зрелище собирал со всех сторон, цепенели перед недостижимым совершенством девушки. Прижимая указательный палец правой руки к поднятому большому и поднося руку к губам, они благоговейно поклонялись ей, словно самой богине Венере.

По соседним городам и ближним областям уже разнеслась молва, будто богиня, которую родила лазурная глубина моря и вскормили брызги пенистых волн, соизволила явить людям свою божественную силу и теперь живёт среди них; или, быть может, от нового семени небесных капель уже не море, а земля произвела на свет другую Венеру, во всей свежести девичьего цветения.

IV.29

С каждым днём слава эта ширилась без меры; молва облетела соседние острова, дальние земли и многие области. Люди стекались долгими сухопутными дорогами, плыли через морские пучины, чтобы увидеть прославленное чудо своего века. Никто уже не отправлялся в Пафос, никто — в Книд, никто даже на саму Киферу поклониться Венере. Жертвоприношения откладывались, храмы приходили в запустение, священные лежа ветшали, обрядами пренебрегали; статуи стояли без венков, брошенные алтари были запятнаны остывшим пеплом. Молитвы обращали к девушке, в человеческом лице умиловляли божество великой богини. Когда она выходила поутру, люди жертвами и пирами зывали к отсутствующей Венере, чьё имя перенесли на неё; когда шла по площадям, толпы осыпали её цветами — сплетёнными в венки и россыпью.

Столь непомерное перенесение небесных почестей на смертную девушку воспламенило сердце настоящей Венеры. Не в силах сдержать негодование, трясая головой и гневно восклицая, она сказала себе:

IV.30

— Вот как! Я, древняя прародительница природы, первоначало стихий, благодатная Венера всего мира, должна делить величие с какой-то смертной девчонкой! Моё имя, вознесённое на небо, оскверняют земной грязью! Выходит, мне терпеть двусмысленные поклонения: имя общее, а молятся вместо меня другой? Моим подобием будет повсюду красоваться девушка, которой суждено умереть? Напрасно тот пастух, чью справедливость и честность признал великий Юпитер, за несравненную красоту предпочёл меня столь могущественным богиням! Нет, кем бы она ни была, недолго ей радоваться присвоенным почестям. Я заставлю её пожалеть даже о самой этой недозволенной красоте!

Она тотчас позвала своего крылатого сына, дерзкого мальчишку, который, презирая всякий общественный порядок, вооружённый пламенем и стрелами, по ночам бродит по чужим домам, разрушает браки, безнаказанно творит бесчисленные бесчинства и не делает ровно ничего доброго. И без того необузданного от природы, она ещё сильнее раззадорила его словами, привела в тот город и показала ему Психею — так звали девушку.

IV.31

Изложив всю историю соперничества в красоте, Венера со стонами и возгласами негодования сказала:

— Заклинаю тебя узами материнской любви, сладостными ранами твоей стрелы и медовыми ожогами твоего пламени: отомсти за мать, отомсти сполна! Жестоко покарай дерзкую красоту. Одно лишь сделай для меня, но уж этого не упusti: пусть девушка воспылет неистовой любовью к самому ничтожному из людей, к тому, кого Фортуна лишила и почестей, и состояния, и самого благополучия, к столь низко павшему бедняку, чтобы во всём мире не нашлось равного ему по несчастью.

С этими словами она долго и крепко целовала сына открытыми губами, а затем направилась к ближайшему морскому берегу. Розовыми стопами ступив по влажной поверхности дрожащих волн, богиня очутилась на ясной глади глубокого моря. Едва успев возникнуть, её желание уже исполнялось: морская свита не заставила себя ждать, словно распоряжения были отданы заранее. Явились дочери Нерее с хоровой песней, Портун с косматой синей бородой, тяжёлая Салация с лоном, полным рыб, и маленький Палемон, правящий дельфинами. Со всех сторон по морю скакали толпы тритонов: один тихо трубил в звучную раковину, другой шёлковым пологом заслонял богиню от палящего солнца, третий подносил к её глазам зеркало, а иные, попарно впрягшись в колесницу, плыли под нею. Такое воинство сопровождало Венеру на пути к Океану.

IV.32

Тем временем Психея не получала от своей прославленной красоты никакой радости. Все на неё смотрели, все её хвалили, но ни один жених — ни царь, ни царевич, ни даже человек из простого народа — не приходил просить её руки. Все любовались божественной красотой, как любят искусно изваянную статую. Две старшие сестры, чьей умеренной красотой не восхищались целые народы, давно уже были сосватаны царям и обрели счастливый брак. Психея же, незамужняя и словно овдовевшая, оставалась дома. Измученная телом, раненная душой, она оплакивала своё покинутое одиночество и ненавидела в себе красоту, восхищавшую все народы.

Несчастный отец несчастнейшей дочери заподозрил в этом ненависть небес. Страхась гнева богов, он обратился к древнейшему оракулу милетского бога и, молитвами и жертвами умоляя великое божество, просил мужа и брака для девушки, не обретшей милости. Аполлон, хотя сам грек и иониец, ради сочинителя милетского рассказа ответил таким латинским прорицанием:

IV.33

Царь, на утёсе высокой горы оставь свою дочь,
В смертный брачный наряд облачив невесту.
Зятя не жди, рождённого смертным родом:
Дикий и злой, змеиный придёт губитель.
Он на крылах над эфиром летает и мучит вселенную,
Пламенем, острым железом разит всё живое.
Самого Юпитера он страшит, ужасает бессмертных,
Реки дрожат перед ним и стигийские тени.

Выслушав священное пророчество, некогда счастливый царь в тоске и печали вернулся домой и передал супруге повеления зловещего оракула. Несколько дней горевали, плакали и причитали. Но

уже надвигалось страшное исполнение рока. Для бедной девушки готовили погребальное свадебное убранство. Свет факелов тускнел в золе чёрной копоти; свадебная флейта переходила на жалобный лидийский лад; весёлая брачная песня заканчивалась надгробным воем. Невеста утирала слёзы собственной свадебной фатой. Вместе с поражённым домом стонал весь город: в знак общей скорби тотчас объявили прекращение всех общественных дел.

IV.34

Необходимость повиноваться небесному повелению требовала предать бедную Психею назначенной ей участи. С величайшей скорбью совершили обряды погребального брака; весь народ двинулся вслед за живой покойницей. Плачущая Психея шла не на свадьбу, а на собственные похороны.

Удручённые родители, потрясённые таким несчастьем, всё ещё медлили совершить жестокое дело. Тогда дочь сама обратилась к ним:

— Зачем мучите вы свою несчастную старость нескончаемым плачем? Зачем изнуряете непрерывными стонами дыхание, которое мне дороже собственного? Зачем бесполезными слезами искажаете лица, перед которыми я благоговею? Зачем терзаете свои глаза — свет моих очей? Зачем рвёте седые волосы? Зачем бьёте грудь, зачем — священную материнскую грудь? Вот славная награда вам за мою дивную красоту! Вы слишком поздно почувствовали смертельный удар нечестивой зависти. Когда народы и племена воздавали мне божеские почести, когда в один голос называли меня новой Венерой, тогда следовало горевать, тогда плакать, тогда оплакивать меня, словно уже погибшую. Теперь я чувствую, теперь вижу: одно лишь имя Венеры меня погубило. Ведите же меня, оставьте на скале, которой отдал меня оракул. Я спешу отпраздновать этот счастливый брак, спешу увидеть своего благородного супруга. Зачем мне медлить, зачем отвергать того, кто рождён на погибель целому миру?

IV.35

Сказав это, девушка умолкла и уже твёрдым шагом пошла среди сопровождавшего её народа. Они достигли назначенного утёса на крутой горе. Психею оставили на самой вершине. Там же положили свадебные факелы, освещавшие дорогу: люди погасили их своими слезами и, склонив головы, отправились домой. Бедные родители, сокрушённые страшным горем, заперлись во мраке своего дома и предали себя вечной ночи.

А к Психее, дрожавшей от страха и плакавшей на вершине утёса, подступило тихое веяние ласкового Зефира. Колыхнув края одежды и раздув её складки, нежный ветер понемногу поднял девушку, понёс на спокойном дыхании, медленно спустил вдоль склона высокой скалы и мягко уложил на цветущий дёрн в лоне долины.

V.1

Психея удобно лежала на мягкой зелени, на самом ложе росистой травы. Душевная буря утихла, и девушка сладко уснула. Выспавшись, она поднялась спокойная и отдохнувшая. Перед ней была роща могучих высоких деревьев и источник с водой, прозрачной, как стекло. В самой середине рощи, возле струящегося ключа, стоял царский дворец, возведённый не человеческими руками, а божественным искусством. С первого взгляда на вход становилось ясно: это светлое, приветное пристанище какого-нибудь бога. Золотые колонны поддерживали высокие потолки, искусно вырезанные из туи и слоновой кости. Все стены покрывали серебряные рельефы: звери и другие животные словно выбегали навстречу входящему. Удивителен был мастер — скорее полубог, а то и сам бог, — который столь тонким искусством превратил серебро в живых зверей. Самые полы были выложены разноцветными узорами из мелких кусочков драгоценных камней. Воистину счастливы, стократно счастливы те, кто ступает по самоцветам и драгоценностям!

И остальные части просторного дворца были бесценны в своём великолепии. Стены, сплошь составленные из золотых глыб, сияли собственным светом: даже против воли солнца они создавали в доме свой день. Так сверкали спальни, так — портики, так — самые двери. Всё убранство соответствовало величию дома; можно было подумать, что этот небесный дворец выстроен для великого Юпитера на случай, если он пожелает пожить среди людей.

V.2

Очарованная этим местом, Психея подошла ближе и, немного осмелев, переступила порог. Прелесть увиденного разжигала любопытство; она осматривала всё по порядку и обнаружила в другой части дома высокие кладовые, доверху наполненные сокровищами. Не было на свете вещи, которой там не нашлось бы. Но среди всех чудес этого богатства больше всего поражало одно: сокровищницу целого мира не охраняли ни запоры, ни замки, ни стража.

Пока девушка с величайшим удовольствием разглядывала всё это, к ней обратился чей-то бесплотный голос:

— Госпожа, что дивишься ты таким богатствам? Ведь всё это твоё. Ступай в спальню, отдохни на ложе, а захочешь — приготовлена купальня. Мы, чьи голоса ты слышишь, твои служанки; мы будем прилежно заботиться о тебе. Когда освежишься, царская трапеза не заставит себя ждать.

V.3

Психея поняла, какое счастье даровало ей божественное провидение. Послушавшись невидимого голоса, она отогнала усталость сперва сном, потом купанием. Рядом она увидела полукруглое возвышение: по расставленной посуде догадалась, что оно предназначено для её трапезы, и с удовольствием возлегла. Тотчас перед ней появились нектарное вино и обильные блюда с разнообразными кушаньями. Никто их не подавал: казалось, их приносило какое-то дуновение. Видеть она по-прежнему никого не могла, слышала лишь произносимые слова; прислуживали ей одни голоса. После роскошной еды вошёл невидимый певец и запел; другой заиграл на кифаре, которой тоже не было видно. Потом до её слуха донеслось согласное многоголосное пение. Хотя не показывался ни один человек, было ясно, что поёт хор.

V.4

Когда удовольствия закончились, наступивший вечер позвал Психею ко сну. Ночь уже продвинулась далеко, когда до неё донёлся тихий звук. Испугавшись за свою девственность в таком одиночестве, девушка задрожала: страшнее любого зла было то, чего она не знала. Но неведомый супруг уже пришёл, взошёл на её ложе и сделал Психею своей женой; прежде чем занялся рассвет, он поспешно удалился. Голоса,

дождавшиеся у спальни, тотчас окружили заботой новобрачную, утратившую девственность.

Так продолжалось долго. Как водится, постоянная привычка превратила новизну в удовольствие, а звук незнакомого голоса стал утешением её одиночества. Между тем родители Психеи старели от непрестанного горя и печали. Разошедшаяся всё шире молва донесла слу-

чившееся до старших сестёр. Скорбные и убитые горем, они оставили свои дома и наперегонки поспешили увидеть родителей и поговорить с ними.

V.5

В ту ночь супруг заговорил с Психеей. Для её рук и слуха он был так же осязаемо близок, как любой человек; только глаза не могли его увидеть.

— Милая Психея, дорогая жена! Жестокая судьба грозит тебе гибельной опасностью. От неё, по моему разумению, надо беречься с особой осторожностью. Твои сёстры, встревоженные вестью о твоей смерти, ищут твои следы и скоро придут на ту скалу. Если услышишь их плач, не отвечай и даже вовсе не показывайся. Иначе причинишь мне тяжкое горе, а себе — окончательную гибель.

Она согласилась и обещала исполнить волю мужа. Но едва он исчез вместе с ночью, бедняжка провела весь день в слезах и стенаниях. Она повторяла, что теперь-то погибла совсем: заточённая в счастливой темнице, лишённая человеческого общения, она не может даже принести весть о своём спасении сёстрам, которые её оплакивают, не может хотя бы взглянуть на них. Ни купание, ни еда, ни какое-либо другое утешение не вернули ей сил. Горько плача, она ушла спать.

V.6

Вскоре супруг, на этот раз пришедший несколько раньше, лёг рядом, обнял всё ещё плачущую жену и укорил её:

— Это ли ты обещала мне, Психея? Чего теперь ждать твоему мужу, на что надеяться? Ты мучаешься и днём и ночью, даже в супружеских объятиях не перестаёшь. Что ж, поступай как хочешь, покорись желанию, которое погубит тебя. Только вспомни моё серьёзное предостережение, когда начнёшь раскаиваться слишком поздно.

Тогда мольбами и угрозой умереть она добилась согласия: увидеть сестёр, утешить их горе, поговорить с ними лицом к лицу. Он уступил просьбам молодой жены и позволил вдобавок подарить сёстрам сколько ей угодно золота и драгоценностей. Но снова и снова предостерегал, настойчиво пугая её: пусть не поддаётся губительным советам сестёр и не пытается узнать, как выглядит её супруг; пусть святотатственное любопытство не низвергнет её с вершины счастья туда, где она уже никогда не обнимет его.

Психея поблагодарила мужа и, повеселев, сказала:

— Скорее я умру сто раз, чем лишусь сладостного союза с тобой. Кто бы ты ни был, я люблю тебя без памяти, как собственную жизнь; даже сам Амур с тобой не сравнится. Но исполни ещё одну мою просьбу: прикажи твоему слуге Зефиру доставить сюда сестёр таким же путём, каким он принёс меня.

Она убеждала его поцелуями, нежными словами, тесными объятиями и добавляла ласково:

— Мой сладкий, мой муж, душа твоей Психеи!

Перед силой любовного шёпота супруг поневоле сдался и обещал исполнить всё. С приближением света он вновь исчез из объятий жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.